DOI: 10.53737/2713-2021.2025.82.21.006

С.Б. Болелов, Ж.Р. Утубаев

НИЗОВЬЯ СЫРДАРЬИ В СИСТЕМЕ ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА I ТЫС. ДО Н.Э.)*

В статье подробно рассматриваются археологические материалы, которые свидетельствуют о культурных и торговых связях области нижнего течения Сырдарьи с другими историко-культурными областями Среднего Востока и Центральной Азии в I тыс. до н.э., в основном во второй его половине. Источниковедческой базой исследования послужили материалы, полученные в результате раскопок Хорезмской экспедиции АН СССР и Ширикрабатской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана. В результате намечены основные направления торговых и культурных контактов населения древней дельты Сырдарьи: Хорезм, Бактрия, Иран, области Северной Индии и Бадахшана, Восточного Причерноморья, Южного Приуралья. Авторы пришли к выводу, что товары и предметы импорта в низовья Сырдарьи, где в это время начинает формироваться раннее государственное образование, могли поступать по восточному сухопутному отрезку Великого Индийского («Путь Страбона») пути.

Ключевые слова: историко-культурная область, культурные связи, торговые пути, городище, поселения, могильники, погребальный инвентарь, ремесло, предметы импорта, украшения, бусы.

Сведения об авторах: Болелов Сергей Борисович[1], кандидат исторических наук, Музей Востока; Утубаев Жанболат Райымкулович[2], автор-корреспондент, кандидат исторических наук, Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1]119019, Россия, г. Москва, Никитский бульвар, 12А, Музей Востока, e-mail: bsb1958@yandex.ru; [2]100600, Казахстан, г. Жезказган, пр. Алашахан, 22, Историко-археологический музей с выставочным залом области Ұлытау, e-mail: utubaev_z@mail.ru.

Sergey Bolelov, Zhanbolat Utubayev

THE LOWER SYR DARYA AND ITS ROLE IN TRANSCONTINENTAL TRADE ROUTES AND CULTURAL INTERACTIONS (SECOND HALF OF THE 1st MILLENNIUM BCE)

This paper discusses in detail the archaeological evidence reflecting the cultural and trade interactions between the Lower Syr Darya region and other historical-cultural centers of the Middle East and Central Asia during the 1st millennium BCE, mainly in the second half of it. The research was based on materials obtained as a result of excavations by the Khorezm expedition of the USSR Academy of Sciences and the Shirikrabat archaeological expedition of the Margulan Institute of Archaeology. The analysis identifies major directions of trade and cultural exchange linking the ancient Syr Darya delta with Khorezm, Bactria, Iran, Northern India, Badakhshan, the Eastern Black Sea region, and the Southern Urals. It is concluded that imported goods and materials reached the Lower Syr Darya—where early statehood was taking shape — through the eastern overland section of the Great Indian (so-called “Strabo’s Way”) route.

Key words: historical and cultural area, cultural interaction, trade routes, urban cite, settlements, burial grounds, burial equipment, handicrafts, imported items, jewelry, beads.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК 2024—2026, ИРН проекта BR24992939.

Статья поступила в номер 31 августа 2025 г.
Принята к печати 15 сентября 2025 г.

© С.Б. Болелов, Ж.Р. Утубаев, 2025.

About the authors: Bolelov Sergey[1], Candidate of Historical Sciences, Museum of Oriental Art; Utubayev Zhanbolat[2], Corresponding Author, Candidate of Historical Sciences, Historical and Archaeological Museum with an Exhibition Hall in the Ulytau Region.

Contact information: [1]1119019, Russia, Moscow, Nikitsky Boulevard 12A, Museum of Oriental Art, e-mail: bsb1958@yandex.ru;; [2]100600, Kazakhstan, Jezqazgan, Alashakhan Ave., 22, Historical and Archaeological Museum with an Exhibition Hall in the Ulytau Region, e-mail: utubaev_z@mail.ru.

Введение

С глубокой древности Восточное и Юго-Восточное Приаралье являлось одной из важнейших зон постоянных культурных и этнических контактов между скотоводами Великого евразийского степного пояса и земледельцами южных областей Центральной Азии. Именно в этом регионе, на «перекрестке» исторических путей передвижения народов, располагались места традиционных зимовок скотоводческих кочевых и полукочевых племён. Благоприятные физико-географические, климатические и экологические особенности способствовали развитию в этой области различных хозяйственно-культурных типов. Здесь формировались условия устойчивого сосуществования различных этносов, что в полной мере отражено в археологических материалах (Левина 1997: 3). Это дало основание С.П. Толстову еще в 40-е годы прошлого столетия назвать Юго-Восточное Приаралье «аральским узлом этногенеза» (Толстов 1947: 308—310). Культурные и, возможно, торговые контакты населения низовьев Сырдарьи с южными древнеземледельческими областями фиксируются уже в эпоху поздней бронзы. Ярким примером этих связей является археологический комплекс могильника Северный Тагискен, где найдены сосуды, изготовленные на гончарном круге. Кроме того, сам строительный материал, из которого построены мавзолеи Тагискена — прямоугольный сырцовый кирпич, не имеющий аналогов на территории степной зоны Евразии, где сооружения из сырца вообще не известны, безусловно, был заимствован из южных областей. Таким образом, можно говорить, что ещё задолго до скифских и гипотетических сакских походов некоторые скотоводческие племена восточного ареала степи были знакомы с культурными достижениями южных цивилизаций (Грантовский 1998: 297—298; Итина, Яблонский 2001: 104). В то же время, в археологических материалах из мавзолеев Северного Тагискена весьма велика доля предметов восточного и северо-восточного происхождения – это сосуды замараевского, карасаукского типа, в большей степени дандыбай-бегазинская керамика и посуда федоровского варианта андроновской культуры. Кроме того, в сравнительно большом количестве представлена керамика амирабадской культуры низовьев Амударьи (Итина, Яблонский 2001: 95—97). Комплекс эпохи поздней бронзы Тагискен является выразительной иллюстрацией процесса культурного синкретизма, который проходил на территории древней дельты Сырдарьи в начале I тыс. до н.э. Причём, если элементы южной культуры являются результатом двухсторонних контактов между областями, то восточные влияния это, скорее всего, результат разнонаправленных миграций групп населения в эпоху поздней бронзы, когда группы скотоводов, в условиях экологического и климатического кризиса, перемещались в поисках пастбищ и водных источников.

Описание материала

В раннем железном веке прямые контакты между низовьями Сырдарьи и южными областями Центральной Азии не прекращаются. Материальная культура этого периода, которая, безусловно, входит в обширный круг культур сакского типа, известна, по большей части, по материалам курганных могильников. В погребальном комплексе могильников Уйгарак и Южный Тагискен в достаточном количестве присутствуют предметы конской упряжи и

украшения, декорированные в «зверином стиле», сакская лепная керамика. Наряду с этим в комплексе, правда в небольшом количестве, присутствует гончарная посуда, вне всякого сомнения, южного происхождения (Вишневская 1973: 77—79; Итина, Яблонский 1997: 40; Суюндикова и др. 2025: 334). Сосуды из погребений могильника Уйгарак находят себе прямые аналогии в керамических комплексах Маргианы и Архаического Дахистана второй трети I тыс. до н.э. О южных связях низовий Сырдарьи с южными областями Средней Азии в середине I тыс. до н.э. свидетельствуют находки лазуритовых бус в могильнике Уйгарак, происхождение которых однозначно связано с районами Бадахшана (Вишневская 1973: 83). В могильнике Южный Тагискен найдены халцедоновые веретенообразные бусины с наведённым содовым орнаментом, производство которых всеми исследователями связывается с районами Северной Индии (Трудновская 1979: 83—85; Итина 1984: 82; Итина, Яблонский 1997: 42). О связях с областями Центрального и Восточного Казахстана свидетельствуют находки типичных для этих регионов предметов конской узды, а также некоторые стилистические особенности предметов «звериного стиля» (Вишневская, Итина 1971: 204—206).

На рубеже V—IV вв. до н.э. в области дельты Сырдарьи кардинально изменяется гидрографическая ситуация. На всём своём протяжении окончательно формируется русло Жаныдарьи, и по нему осуществляется основной сток сырдарьинской воды в Аральское море. Часть отрезков более раннего русла Инкардарьи превращается в старицы и озёра (Андрианов 1991: 110; Вайнберг, Левина 1993: 7—14). Таким образом, в юго-западной части дельты создаются весьма благоприятные условия для формирования оседлой земледельческо-скотоводческой культуры, основой хозяйства которой было ирригационное земледелие в сочетании с отгонным пастбищным скотоводством — Ширикрабатская археологическая культура (Вайнберг, Левина 1993: 6; Аржанцева и др. 2018: 22; Утубаев и др. 2023: 197). В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что культура оседлых земледельцев и скотоводов второй половины I тыс. до н.э. сформировалась в низовьях Сырдарьи на основе культуры саков раннего железного века. Есть все основания считать, что люди, населявшие земледельческие оазисы, были прямыми потомками скотоводов, оставивших раннесакские курганные могильники Южный Тагискен и Уйгарак, а также открытые в последнее время курганные могильники в районе Ширик-рабата и на возвышенности Сенгир-там. Это подтверждается и антропологическими материалами (Трофимова 1963: 232—235; Гинзбург, Трофимова 1972: 117—118; Яблонский 2017: 169).

На рубеже V—IV вв. до н.э. в юго-западной части древней Сырдарьинской дельты формируются системы искусственного орошения, возникают неукреплённые сельские поселения, строятся укреплённые города с развитой системой фортификации, монументальные наземные погребальные сооружения, крепости на границе оазиса. Эти революционные изменения в хозяйственном укладе и, как следствие, в материальной культуре населения низовий Сырдарьи были результатом мощного культурного импульса из дельтовой области Амударьи, с территории Хорезма. В этом регионе становление древнеземледельческой культуры восточного типа происходит немного раньше — в конце VII—VI в. до н.э. Как можно судить по данным археологии, эти процессы не были связаны с массовой миграцией населения. Скорее, речь может идти об инфильтрации на территорию древней сырдарьинской дельты небольших групп, основу которых составляли специалисты-ремесленники, строители. Связи Хорезма отчётливо прослеживается в строительной технике Ширикрабатской культуры — это формат сырцового кирпича, способы кладки стен, конструкции сводов. Системы фортификации укреплённых городищ явно строились с учётом хорезмийской традиции: внутристенные стрелковые галереи, устройство бойниц, входные укрепления. Появление в низовьях Сырдарьи не позднее начала IV в. до н.э. гончарного круга и некоторых характерных форм хозяйственной и столовой посуды также следует связывать с хорезмийской керамической традицией.

Результаты и обсуждение

В то же время в материальной культуре населения нижней Сырдарьи второй половины I тыс. до н.э. отчётливо прослеживается связь с культурой сырдарьинских саков предшествующего периода. В первую очередь это проявляется в комплексе лепной керамики, формы и типы которой генетически связаны с керамической традицией предыдущего периода. Некоторые лепные сосуды весьма близки керамике из савроматских и раннесарматских комплексов Южного Урала (Вишневская 1973: 131—132). В группе кухонной лепной посуды Ширикрабатской культуры представлены сосуды с прочерченным орнаментом на внешней поверхности, который находит себе близкие параллели в сарматских комплексах Южного Приуралья и Восточного Устюрта (Курманкулов и др. 2021: 189).

Близкие параллели, а иногда и прямые аналогии, прослеживаются между погребальными памятниками ранних сармат Приуралья и поздних саков Юго-Восточного Приаралья. В первую очередь можно вспомнить захоронения в больших прямоугольных или квадратных погребальных камерах с длинным дромосом, открытые на Ширик-рабате (Толстов 1962: 143—144; Курманкулов, Утубаев 2017: 199—200; Тажекеев, Курманкулов 2014: 236—238). Устройство погребальных сооружений, раскопанных на памятнике Ширик-рабат, практически в деталях повторяет конструкцию больших прямоугольных могил с дромосами раннепрохоровского времени, открытых в восточном ареале культуры ранних сармат (мог. Мечет-Сай на Илеке, Ново-Кумакский мог. под Орском, мог. Лебедевка), в которых совершались коллективные захоронения (Смирнов 1989: 171). Сколько погребённых было в камерах-склепах на Ширик-рабате нам неизвестно. Курганы вчистую были ограблены в древности. В то же время находку длинного железного меча с овальным навершием и «бабочковидным» перекрестьем, который является прямой аналогией скифо-сарматским мечам V—IV вв. до н.э., можно рассматривать как ещё один аргумент, свидетельствующий о связях нижней Сырдарьи с савромато-сарматским миром Южного Приуралья. Ещё одно погребение, как предполагается, в большой овальной яме с дромосом с южной стороны раскопано в пределах оазиса Баланды (Баланды 4), в 40 км от Ширик-рабата. Это захоронение не было ограблено, в результате были расчищены останки семи погребённых в сопровождении погребального инвентаря — лепные сосуды, железный кинжал, наконечники стрел (Толстов 1962: 180—181). Баланды 4 является практически полной аналогией коллективным захоронениям могильника Сакар-Чага 1 в Левобережном Хорезме, где коллективные многоактные захоронения совершались в больших овальных или прямоугольных ямах с дромосом с южной стороны (Яблонский 1992: 29—30). По мнению Л.Т. Яблонского, эти захоронения оставлены скотоводами, осевшими на западной периферии Хорезмского оазиса, но, как можно полагать на основании многочисленных аналогий, генетически связанными с номадами южно-приуральских степей. По мнению того же автора, погребальный обряд коллективных захоронений в больших ямах с дромосом мог зародиться в зоне контактов между оседлым и кочевым населением Зауралья и Приаралья (Яблонский 1999: 49). Следует заметить, что прямоугольные могильные ямы с длинным дромосом, в которых совершалось трупоположение в «позе всадника» с восточной или северо-восточной ориентировкой, появляются в низовьях Сырдарьи на финальном этапе сакского периода. Шесть погребений этого типа, которые датируются V в. до н.э., раскопаны на курганном некрополе Южный Тагискен. Примечательно, что все они отнесены к богатым захоронениям (Толстов, Итина 1966: 163). Кроме того, следует отметить, что в этом же могильнике найдены длинные мечи с брусковидным или овальным навершием и «бабочковидным» перекрестьем, являющиеся прямой аналогией длинным мечам Южного Приуралья (Итина 1992: 38—39, 42). Ранее исследователи уже отмечали генетическую и культурную общность савроматского и сако-массагетского миров в эпоху раннего железа во второй трети — середине I тыс. до н.э. Она определяется не только близостью погребальной обрядности и конструкции некоторых типов погребальных сооружений, но

и по составу предметного комплекса в захоронениях (вооружение, каменные жертвенники определённого типа, керамика и т.д.) (Вишневская 1973: 130—132; Вишневская, Итина 1971: 200—207). Возможно, в данном случае есть основания говорить о взаимной прямой инфильтрации населения в этот период времени, причём не исключая вхождения отдельных племён или родственных групп в состав племенных союзов той или другой стороны (Смирнов 1964: 277—281). Как свидетельствуют археологические данные, тесные контакты с ранними сарматами Южного Приуралья и Устюрта не прерываются и на раннем этапе становления Ширикрабатской культуры, в первую очередь это проявляется в устройстве погребальных сооружений больших курганов Ширик-рабата. В то же время чётко прослеживаются связи с Древним Хорезмом, который на рубеже V—IV вв. до н.э. выходит из состава Ахеменидской державы и становится самостоятельным государственным образованием (Балахванцев 2006: 365—375).

Выше уже говорилось о культурном влиянии Хорезма, которое, по всей видимости, было решающим на этапе становления оседлой скотоводческо-земледельческой культуры в низовьях Сырдарьи. Кроме того, в огромном археологическом комплексе, полученным в результате раскопок Ширикрабатских поселений, представлены предметы, которые могли попасть сюда (импортированы) только из Хорезма.

В первую очередь следует упомянуть керамическую флягу с хорезмийской надписью, сделанной до обжига, ещё по сырой глине (рис. 1: a, c). Буквы арамейского письма выписаны чётко, лигатур нет. Наиболее вероятное чтение надписи — ***tyrybwdy*** **(תיריבודי)** **/*Tīriβōδi*/**, которое можно толковать как «(тот, кто совершает — *совершающий (?) — С.Б.*) воскуривание Тири». Вполне вероятно, что её можно интерпретировать как имя собственное заказчика фляги или мастера, её изготовившего (Иванчик, Лурье 2013: 286—289). Следует заметить, что словообразование этого собственного имени полностью соответствует лингвистической конструкции теофорных хорезмийских имён, когда на первом месте идет прилагательное или причастие, чаще всего посвятительное, а на втором месте — имя божества (Лившиц 2004: 190). Тири (Тиштри, Тиштрия) — одно из основных божеств восточно-иранского пантеона. Ему посвящён 8 Яшт — «Тиштр-яшт» в Авесте. По мнению большинства исследователей, это божество отождествляется с Сириусом — яркой звездой в созвездии Большого Пса, восход которой совпадал с сезоном дождей и, вследствие этого, ассоциировался с небесными водами [Авеста 1993: 187]. После надписи следует знак в виде двух перечеркнутых параллельных вертикальных линий. Считается, что это знак, наносившийся на уже готовую, но ещё не обожжённую посуду для учёта готовой продукции. В Хорезме таким образом метились партии сосудов, изготовленных на заказ. На поселении гончаров Бабиш-мола 7 найдено несколько фрагментов фляг, а также целые сосуды, которые практически идентичны хорезмийским. Не исключено, что они попали на территории нижней Сырдарьи в результате прямых торговых контактов (рис. 1: b). Кроме того, обращают на себя внимание фрагменты ручек красноангобированных столовых кувшинов, украшенные рельефом в виде головы льва (рис. 2). Этот тип кувшинов известен только на территории Хорезма, причём в определённый период времени — IV—II вв. до н.э. Надо полагать, что эти сосуды, так же как и хорезмийские фляги, попали на территорию нижней Сырдарьи с караванами из Хорезма. Обращает на себя внимание то, что львиноголовые ручки, найденные в дельте Сырдарьи, несколько отличаются от хорезмийских, на которых изображение льва оттиснуто штампом (рис. 2: 1—4). На сырдарьинских ручках, похоже, характерные черты львиной морды были вырезаны вручную. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что кувшины изготавливались на месте, но в подражание хорезмийским образцам (рис. 2: 5).

Подавляющее большинство, безусловно, хорезмийских сосудов, представленных в комплексах Ширикрабатской культуры, относятся к группе хозяйственной тарной посуды. Это крупные кувшинообразные сосуды без ручек, украшенные росписью в виде спирали, и керамические вьючные фляги. Этот набор хорезмийской тарной керамики почти

полностью соответствует комплексу хорезмийской посуды, представленной в синхронных комплексах из курганов Южного Приуралья. Можно предполагать, что контакты Ширикрабатцев с Хорезмом носили постоянный характер и осуществлялись караванами по сухопутному маршруту, который по дельте Акчадарьи выводил в низовья Жаныдарьи и шёл далее к восточному побережью Аральского моря, откуда караваны попадали на Илек. Учитывая тот факт, что как низовья Сырдарьи, так и низовья Амударьи были традиционным местом зимовок подвижных скотоводов, можно говорить о довольно устойчивых экономических и культурных связях между оседлым населением Ширикрабатской культуры и номадами Южного Приуралья. Прямым свидетельством этих связей являются находки типичной ширикрабатской керамики в курганах этой области (Болелов 2012: 211). Возможно, по указанному выше маршруту шли хорезмийские караваны в XIX в., которые по южному побережью Аральского моря из Ургенча выходили к Казалинску в дельте Сырдарьи (Джанкент), а затем через Иргиз и Орск доходили до Оренбурга (Сазонова 1978: 81). Последний отрезок этого пути довольно подробно описан русскими путешественниками первой половины XIX в. (Мейендорф 1975: 27—38; Демезон, Виткевич 1983: 26—30). Надо полагать, этот караванный маршрут функционировал уже, по крайней мере, на рубеже V—IV вв. до н.э., и по этому пути шли не только хорезмийские товары.

По всей видимости, в это время уже функционирует водный путь по Амударье из Бактрии в Хорезм — Великий Индийский путь (*по Э.В. Ртвеладзе*). Уже из Хорезма по обводнённому в то время руслу Узбоя суда с товарами выходили в Каспийское море, через которое осуществлялись связи с Закавказьм, Северной Месопотамией и Восточным Причерноморьем (Болелов 2005: 231—232; Алимова и др. 2009: 9—13; Ртвеладзе 2012: 47—50). Сообщения о судоходстве на Каспийском море, которое от восточного до западного побережья в самом широком месте на гребном судне можно было пересечь за 8 дней, есть у Геродота [Геродот, I, 202—204]. По этому пути индийские товары, которые поступали в Бактрию сухопутным путем, по свидетельству Страбона подвозимые в Бактрию через горы, следовали далее вниз по течению Окса (Амударьи) до Гирканского (Каспийского) моря [Страбон, II, I, 15]. Э.В. Ртвеладзе предположил, что индийские товары доставлялись по Оксу до Келифа в Северо-Западной Бактрии, а затем по Келифскому Узбою, который, по мнению исследователя, был обводнён вплоть до русла Узбоя. В эпоху эллинизма этот водный путь от Бактрии к Каспийскому морю был основным, по нему шла большая часть индийских товаров, а хорезмский участок торгового пути был второстепенным. Об этом можно судить, как считает Э.В. Ртвеладзе, по отсутствию в низовьях Амударьи монет греко-бактрийских царей, а также по *отсутствию в Хорезме товаров индийского происхождения (sis ! — С.Б.)* (Ртвеладзе 2012: 85—87). С этим заключением трудно согласиться. То, что на территории Хорезма в культурных слоях последней трети I тыс. до н.э. не найдено греко-бактрийских монет[1] объясняется тем, что в это время в низовьях Амударьи вообще не было денежного обращения. Наиболее ранние хорезмийские монеты, которые чеканились в подражание монетам греко-бактрийского царя Евкратида, датируются не ранее I в. до н.э. (Вайнберг 1977б: 49—50). Предметы индийского, и не только индийского, но, безусловно, южного происхождения, представлены в археологических комплексах Хорезма уже в эпоху раннего железа; наиболее ранние датируются рубежом VIII—VII вв. до н.э. На поселении Куюсай 2 найдены подвески и «бочонковидные» бусы из лазурита. На этом же памятнике найдена золотая серьга-подвеска с перекрещивающимися утолщёнными (в виде сплошных конусов) концами, которая находит себе аналогии на территории архаического Дахистана (Вайнберг 1977а: 44). В погребениях куюсайского могильника Тумек-Кичитджик найдены

[1] По данным Б.И. Вайнберг, на территории Правобережного Хорезма известны всего две случайных находки греко-бактрийских монет: серебряная монета Евкратида и медная монета со стоящими Диоскурами в круге из точек (Вайнберг 1977: табл. XXXI). Весной 2025 г. в ходе раскопок на крепости Бурлы-кала в слое была найдена тетрадрахма Евкратида (устное сообщение руководителя раскопок А.С. Балахванцева (ИВ РАН), за что авторы выражают ему искреннюю благодарность).

стеклянные пастовые бусы голубого цвета в виде колечек, иногда соединённых по два, три, четыре и более. Аналогичные по форме бусы встречены в раннесакских погребениях на Памире (Вайнберг 1979: 42). Кроме того, как на поселении, так и в могильнике найдены бусы из сердолика биконической и шаровидной формы. В большом количестве каменные бусы представлены в комплексе из раскопок Кюзели-гыр. Следует отметить, что здесь обнаружены не только бусы и заготовки бус из лазурита, но и необработанные куски этого камня, то есть предметом импорта были не только ювелирные изделия, но и в значительной степени сырьё для ювелирного производства — бадахшанский лазурит. Серединой V в. до н.э. датируется вставка из афганского лазурита, найденная на усадьбе Дингильдже (Воробьева 1973: 186). На Кюзели-гыр известны стратифицированные находки сердоликовых бус с наведённым (гравированным) белым орнаментом, которые датируются не позднее конца VI в. до н.э. Все они небольших размеров и представляли собой сильно уплощённый по длинным сторонам цилиндр с поперечным каналом (рис. 3: b). На боковых поверхностях нанесён орнамент в виде восьмерки[2]. Сердоликовые бусы, найденные на Кюзели-гыр, находят себе полные аналогии в курганах сакского времени на территории Памира (Бернштам 1952: 314; Литвинский 1972: 71). Общепринятой является точка зрения, что сердоликовые бусы с наведённым содовым орнаментом производились на территории северной Индии. Особое распространение они получили с V в. до н.э. На территории Белуджистана эта технология использовалась до XX в. (Трудновская 1952: 122—123). Орнамент на бусах, найденных в Хорезме (мотив № 7 по Б.А. Литвинскому) известен в Северной Индии с эпохи бронзы (Чонху-Даро, Мундигак IV) и сохранился до сих пор. Он считается предохраняющим от «сглаза» (Литвинский 1972: 81). Помимо индийских сердоликовых бус, на Кюзели-гыр найдено несколько подвесок из раковин каури, что также свидетельствует о связях Хорезма с Индией в раннем железном веке. Таким образом, уже в VII в до н.э., как свидетельствуют археологические данные, устанавливаются торговые связи Хорезма с южными областями Среднего Востока и, в том числе, с Индией (Болелов 2017: 82). Из этих областей товары шли по Амударье, судоходство по которой было развито уже в середине I тыс. до н.э. (Ртвеладзе 2012: 40—45). По всей видимости, в этот период времени постоянного стока по Узбою в Каспий еще не было и узбой-каспийский участок Великого Индийского пути не функционировал, но, надо полагать, уже в это время Хорезм становится «перевалочным» пунктом, откуда предметы и товары из южных областей транспортировались далее на север и на восток. По северному сухопутному маршруту, который проходил по восточному Чинку Устюрта, вдоль побережья Аральского моря, индийские и иранские бусы из полудрагоценных камней, бадахшанский и афганский лазурит караваны везли в сарматские кочевья Южного Урала (Аникеева 2012: 188; Яблонский, Аникеева 2023: 53—55).

По всей видимости, по восточному сухопутному отрезку Великого Индийского пути индийские бусы попали в низовья Сырдарьи. В археологических комплексах Ширикрабатской культуры в достаточном количестве представлены сердоликовые бусы с наведённым содовым орнаментом, о которых говорилось выше, а также бусы и подвески из бадахшанского лазурита (рис. 3: c). На городище Ширик-рабат, в грабительском выбросе из погребальной камеры кургана 1, найдена сердоликовая бусина типа *«etched agate beads»*, безусловно, индийского происхождения. На этом же памятнике обнаружены фрагменты изделий из слоновой кости (Трудновская 1963: 210). В круглом погребальном сооружении найден фрагмент халцедоновой печати со сценой противоборства царя с львиноголовым грифоном, безусловно, относящейся к категории ахеминидских изделий (Толстов 1962: 147).

Как представляется, в эллинистический период торговые связи между Хорезмом и низовьями Сырдарьи только увеличиваются. На памятниках Ширикрабатской культуры найдено большое количество предметов западного происхождения, которые могли попасть

[2] В настоящее время коллекция археологических предметов из раскопок Кюзели-гыр хранится в фондах Государственного музея искусств народов Востока (ГМИНВ). Коллекция ГМВ КП 53468/ 1-1281.

сюда по сухопутному пути транзитом из Хорезма (северо-восточный отрезок трансконтинентального «Великого Индийского пути»).

На укреплённой усадьбе Баланды I во время незначительных по объёму рекогносцировочных раскопок в середине XX в. найдено несколько прямоугольных костяных пластин, украшенных резным орнаментом, который находит себе прямые параллели в комплексах Северного Причерноморья («бегущая волна», «плетёнка»). Между пластинок, которые образовывали рамку, заключена тонкая дощечка, со всех сторон обложенная слюдой, через которую видна роспись. Кроме того, рядом с этими предметами найдены небольшие стилизованные листья аканта, изготовленные из бронзы. По мнению исследователей памятника, всё это детали оформления небольшой шкатулки с усечённо-конической крышкой (Вайнберг, Левина 1993: 88). Можно предполагать, что композиция декора шкатулки, найденной на Баланды I, схожа с оформлением боковых панно шкатулки, обнаруженной в храме Окса на городище Тахти-Сангин, безусловно относящихся к массиву эллинистических древностей. Близки между собой и декоративные элементы, например, «бегущая волна» (Литвинский 2004: 24—25). Вместе с костяными пластинками найдены предметы, которые, по всей видимости, находились внутри шкатулки — жемчужины (скорее всего, индийского происхождения) и фрагменты стеклянных сосудов с росписью, позолотой и рельефными узорами (вероятно, сирийского производства) (Толстов 1962: 173—174). Помимо этого, следует отметить находки на поселении Баланды неглубоких каменных чаш-плакеток, выточенных из плотного алеврита тёмно-серого цвета, который не встречается на территории сырдарьинской дельты. На этом же памятнике найдены фрагменты уплощённых полусферических каменных крышек с «грибовидным» навершием и со следами инкрустации на внешней поверхности, также выточенные из алеврита (рис. 3: а). Эти предметы находят себе полные аналогии в комплексе культового центра Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме, где они выточены из камня той же породы. В Хорезм, так же как и в низовья Сырдарьи, эти предметы явно были импортированы, скорее всего, из Бактрии, где они хорошо известны в комплексах эллинистического периода (Болелов 2005: 223). Наиболее близкой аналогией каменным блюдцам, крышкам и плакеткам, найденным в Южном Приаралье, являются каменные сосуды, представленные в археологических комплексах эллинистического периода на территории Бактрии (Ай-Ханум) (Francfort 1984: табл. IX, XIV; Rapin 1992: табл. 76; Frankfort et al. 2014: 79). Безусловно, привозными были небольшие деревянные сосуды, по всей видимости, пиксиды, фрагменты которых найдены в некоторых погребальных сооружениях (Вайнберг, Левина 1993: 89). Следует заметить, что пиксиды, изготовленные из самшита, весьма вероятно из Причерноморья или Юго-Западного Прикаспия, в достаточном количестве представлены в комплексе культового центра Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме (Болелов, Двуреченская 2004: 269—270). В связи с этим отметим, что предметы, изготовленные из самшита, предположительно из Юго-Западного Прикаспия или из Закавказья, наряду с каменными индийскими бусами и другими предметами из Ирана и Малой Азии, найдены в сарматских курганах на Илеке. Есть все основания полагать, что все эти предметы попали в сарматские кочевья по караванным путям, которые через Хорезм, а, возможно, и через нижнюю Сырдарью, связывали Южное Приуралье и Зауралье с государствами юга Центральной Азии, Ираном, Южным Прикаспием и Закавказьем (Смирнов 1964: 160; 1975: 155).

Наиболее ярким свидетельством связей нижней Сырдарьи с эллинистическим Востоком является находка двух небольших сосудов-алабастронов из гипсоподобного материала молочно-белого цвета. На одном из них чёрной тушью нанесена двухстрочная надпись греческими буквами **Α | ΚΑΣΙ.** В верхней строке сохранилась только одна буква альфа, написанная курсивом. Скорее всего, этот знак является цифровым обозначением — единица — и указывал на вес или объём содержимого. Судя по размеру сосуда, можно предполагать, что речь идет об одной мине, т.е. ок. 400—500 г. Слово во второй строке может быть прочтено как **κασί(α),** т.е. «кассия» **—** одна из разновидностей корицы, растущая в Южной

Аравии, Сирии, Эфиопии и Индии[3]. Шрифт надписи датируется III—II вв. до н.э. Предполагается, что сосуд, который вмещал 1 мину корицы из Южной Азии, привезён на Ширик-рабат скорее всего из Бактрии (Иванчик, Лурье 2013: 291—292).

Набор импортных предметов, представленных в комплексе Ширикрабатской культуры, однозначно свидетельствует о связях низовьев Сырдарьи в IV—II вв. до н.э. с областями Причерноморья, Северной Индии и Бактрии. Следует заметить, что те же направления торговых и культурных связей в этот период чётко прослеживаются по археологическому материалу, найденному на территории Древнего Хорезма. По мнению первых исследователей памятников Ширикрабатской культуры, все эти предметы могли попасть на территорию древней дельты Сырдарьи через юг Центральной Азии от участников походов Александра Македонского (Вайнберг, Левина 1993: 89). Однако сколь-нибудь весомых аргументов в пользу этой гипотезы в настоящее время нам неизвестно. Также нет никаких, даже косвенных фактов, свидетельствующих о присутствии в низовьях Сырдарьи войск Александра Великого, впрочем, так же, как и более поздних греческих царей. Вместе с тем не исключено, что изделия ювелиров Индии и Бактрии могли поступать на эту территорию через посредничество кочевников Кызылкумов, курганы которых в предгорьях Букантау (Центральные Кызылкумы) датируются в пределах VI—I вв. до н.э. Это предположение косвенно подтверждается ещё и тем, что в одном из курганов могильника Джузкудук-2 найдены индийские сердоликовые бусы с наведённым содовым орнаментом (Манылов 1990: 33—39; 1992: 59—69). В то же время каких-либо предметов греческого или эллинистического импорта в кызылкумских курганах не обнаружено. Как представляется, греческие и малоазиатские изделия могли попасть в низовья Сырдарьи из Хорезма по восточному участку «Великого Индийского пути», возможно по этому маршруту шли на Сырдарью и некоторые товары из Индии, минуя кочевья скотоводов в Кызылкумах.

Заключение

В античных письменных источниках не содержится сколь-нибудь конкретных и достоверных сведений об области нижнего течения Сырдарьи. По мнению И.В. Пьянкова, это объясняется тем, что спутники Александра и, соответственно, более поздние авторы ничего не знали о нижнем течении Сырдарьи и считали ее европейским Танаисом (Доном), который являлся границей между Европой и Азией. В поле зрения античных авторов находилось только среднее течение Сырдарьи (Пьянков 2013: 604). Вся территория Арало-Каспия и, в том числе, Южное Приаралье — «необозримая равнина» к востоку от Гирканского (Каспийского) моря, с подачи Геродота традиционно считалась местом обитания кочевых саков-массагетов (Литвинский, Пьянков 2004: 719). Однако археологические материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, дают все основания считать, что на этой территории древней Сырдарьинской дельты во второй половине I тыс. до н.э. была распространена оседлая земледельческо-скотоводческая культура. Комплексная хозяйственная система, сложившаяся в этой области, базировалась на искусственном орошении, но значительное место в экономической структуре занимало отгонное или пастбищное скотоводство (Утубаев и др. 2023: 197). В настоящее время на основании полученных в последние годы археологических данных, как кажется, есть все основания полагать, что во второй половине I тыс. до н.э. в южной части древней Сырдарьинской дельты, в бассейнах Жаныдарьи и Инкардарьи, были созданы все предпосылки для формирования на этой территории раннего государственного образования. Об этом, в частности, можно судить по формальным признакам, по которым, обычно, определяются ранние государства: наличие сакрального центра — Ширик-рабат, а также административного и, возможно, культового центра — Бабиш-мола 1. Ещё одним

[3] Возможно, эти области Страбон назвал «Страной корицы», наиболее удалённой на юг обитаемой землёй (Страбон II, I, 13,14).

аргументом в пользу этого предположения является существование рядом с Бабиш-мола 1 крупного ремесленного центра, созданного, по всей видимости, не без участия центральной власти — Бабиш-мола 7 (Болелов, Утубаев 2020: 69—88). Следует отметить также строительство крепостей на границе оазиса — Кабыл, Алып, Карабас, Ширик 3. Наконец, открытые общинные земледельческие поселения, являвшиеся социально-экономическим базисом общественной структуры Ширикрабатской археологической культуры, по нашему мнению, свидетельствуют о намечающейся социальной стратификации общества. Принимая во внимание все эти факты, можно с определённой долей уверенности констатировать, что во второй половине I тыс. до н.э. на территории Южного Приаралья, помимо Древнего Хорезма, существовало еще одно раннее государственное образование, в полной мере взаимодействующее, как с древнеземледельческими государствами юга Средней Азии, так и со скотоводческими кочевыми племенами степной зоны Евразии. На основании археологических данных, с полным основанием можно говорить о том, что в этот период времени в достаточной степени были развиты торговые и культурные связи Ширикрабатской культуры, основные направления которых — Северная Индия, Закавказье, возможно, Восточное Причерноморье, Хорезм, Центральный Согд, Бактрия, Южное Приуралье и Зауралье, определяются по многочисленным находкам импортных предметов. Причём, основные контакты с этими историко-культурными областями осуществлялись, надо полагать, по сухопутным отрезкам межконтинентального Великого Индийского пути. Таким образом, область среднего и нижнего течения Жаныдарьи занимала определённое место в палеоэкономической мегасистеме, которая сложилась в этой части Центральной Азии (Восточный Прикаспий, Южное Приуралье, Южное Приаралье) во второй половине I тыс. до н.э.

Литература

Авеста. 1993. *Авеста. Избранные гимны из Ведевдата.* Москва: КРАМДС-Ахмед Ясави.

Алимова и др. 2009: Алимова Д., Ртвеладзе Э.В., Абдурасулов У. 2009. Средняя Азия — Закавказье — Рим: о значении водного пути по Амударье через Каспийское море в Закавказье. В: Кляшторный С.Г., Мустафаев Ш.М. (ред.). *Дорога Страбона как часть Великого Шелкового пути*. Материалы международной конференции (Баку, 28—29 ноября 2008 г.). Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 9—13.

Андрианов Б.В. 1991. Из истории орошения в бассейне Аральского моря. В: Андрианов Б.В. (ред.). *Аральский кризис. Историко-географическая ретроспектива*. Москва: ИЭА РАН, 101—122.

Аникеева О.В. 2012 Украшения ахеменидского круга из цветного камня (на примере изучения каменных бус из курганов ранних кочевников Южного Приуралья). В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 168—188.

Аржанцева и др. 2018: Аржанцева И.А., Болелов С.Б, Тажекеев А.А. 2018. *История исследований Хорезмской экспедиции на землях Сыра.* Ч. I. Москва: ОЛЕАБУК.

Балахванцев А.С. 2006. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект. *Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО)*. Новая серия. Т. II (XXVII), 365—375.

Бернштам А.Н. 1952. *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*. Москва; Ленинград: АН СССР (МИА. 26).

Болелов С.Б. 2005. К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тыс. до н.э. по археологическим данным. В: Антонова Е.А., Мкртычев Т.К. (ред.). *Центральная Азия. Источники, история, культура.* Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского (Москва, 3—5 апреля 2003 г.). Москва: Восточная литература, 215—234.

Болелов С.Б. 2012. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 208—219.

Болелов С.Б. 2017. Оазис среди песков (Древний Хорезм в системе трансконтинетальных и торговых связей во второй половине I тыс. до н.э.). В: Искандерова А. (ред.). *Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных и гуманитарных наук*. Материалы Международной научной конференции (Самарканд, 28—29 сентября 2017 г.). Самарканд: МИЦАИ, 77—83.

Болелов С.Б., Двуреченская Н.Д. 2004. Деревянные изделия из раскопок Калалы-гыр 2. В: Вайнберг Б.И. (ред.). *Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме IV—II вв. до н.э.* Москва: Восточная литература, 265—274.

Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. 2020. Гончарное производство на территории древней дельты Сырдарьи в эпоху античности: новые данные. *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)* 1 (7), 69—88.

Вайнберг Б.И. 1977а. Памятник раннего железного века в северном Туркменистане. *Каракумские древности* V, 25—45.

Вайнберг Б.И. 1977б. *Монеты Древнего Хорезма*. Москва: Наука.

Вайнберг Б.И. 1979. Памятники Куюсайской культуры. В: Итина М.А. (ред.). *Кочевники на границах Хорезма*. Москва: Наука, 7—76 (Труды ХАЭЭ XI).

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1993. *Ширикрабатская культура. Низовья Сырдарьи в древности.* Вып. I. Москва: ИЭА РАН.

Вишневская О.А. 1973. *Культура сакских племен низовьев Сырдарьи (VII—V вв. до н.э.).* Москва: Наука (Труды ХАЭЭ VIII).

Вишневская О.А., Итина М.А. 1971. Ранние саки Приаралья. В: Либеров П.Д., Гуляев В.И. (ред.). *Проблемы скифской археологии*. Москва: Наука, 197—207 (МИА 177).

Воробьева М.Г. 1973. *Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме.* Москва: Наука (МХЭ 9).

Геродот. 1972. *История*. Ленинград: Наука.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. 1973. *Палеоантропология Средней Азии*. Москва: Наука.

Грантовский Э.А. 1998. *Иран и иранцы до Ахеменидов*. Москва: Восточная литература.

Демезон И.И., Виткевич И.В. 1983. *Записки о бухарском ханстве. Отчеты И.И. Демезона и И.В. Виткевича.* Москва: Восточная литература.

Иванчик А.И., Лурье П.Б. 2013. Две надписи из Ширик-Рабата. В: Тохтасьев С.Р., Лурье П.Б. (ред.). *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица. Санкт-Петербург: Нестор-История, 286—294.

Итина М.А. 1984. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья. В: Мелюкова А.И. и др. (ред.). *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 78—83.

Итина М.А. 1992. Ранние саки Приаралья. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 31—46 (Археология СССР12).

Итина М.А., Яблонский Л.Т. 1997. *Саки нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен)*. Москва: РОССПЕН.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. 2001. *Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи*. Москва: Восточная литература.

Курманкулов и др. 2021: Курманкулов Ж.К., Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. 2021. *Древние земледельцы низовьев Сырдарьи*. Алматы: ИА КН МОН РК.

Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р. 2017. Ширикрабатская культура в Восточном Приаралье. В: Бейсенов А.З. (ред.). *Казахстан в сакскую эпоху*. Алматы: ИА, 191—210.

Левина Л.М. 1997. *Этнокультурная история Восточного Приаралья в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.* Москва: Восточная литература.

Лившиц В.А. 2004. Надписи и документы. В: Вайнберг Б.И. (ред.). *Калалы-Гыр. Культовый центр в древнем Хорезме IV—II вв. до н.э*. Москва: Восточная литература, 213—236.

Литвинский Б.А. 1972. *Древние кочевники «Крыши мира».* Москва: Наука.

Литвинский Б.А. 2004. Бактрийские шкатулки. В: Кызласов И.Л. (ред.). Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова. Москва: РУСАКИ, 23—37.

Литвинский Б.А., Пьянков И.В. 2004. Средняя Азия в ахеменидское время. В: Седов В.А. (ред.). *История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй*. Москва: Восточная литература, 698—814.

Манылов Ю.П. 1990. Могильник Джузкудук 2 раннесакского времени в горах Букантау. *ИМКУ* 24, 33—38.

Манылов Ю.П. 1992. Курганы Кокпатаса. *ИМКУ* 26, 59—65.

Мейендорф Е.К. 1975. *Путешествие из Оренбурга в Бухару*. Москва: Восточная литература.

Пьянков И.В. 2013. *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. Санкт-Петербург: Петербургское лингвистическое общество.

Ртвеладзе Э.В. 2012. *Великий Индийский Путь. Из истории важнейших торговых дорог Евразии.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Сазонова М.В. 1978. *Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма*. Ленинград: Наука.

Смирнов К.Ф. 1964. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. Москва: Наука.

Смирнов К.Ф. 1975. *Сарматы на Илеке*. Москва: Наука.

Смирнов К.Ф. 1989. Савроматская и раннесарматская культуры. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 165—176 (Археология СССР 12).

Страбон. 1964. *География*. Ленинград: Наука.

Суюндикова и др. 2025: Суюндикова М.К., Калиева Ж.С. Антонов М.А., Утубаев Ж.Р. 2025. Гончарство ранних номадов Приаралья в контексте изучения земледельческих культур. *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)* 2 (28), 317—337.

Тажекеев А.А., Курманкулов Ж.К. 2014. Типы погребальных сооружений и вопрос об их генезисе (Ширикрабатская культура). В: Онгар А. (ред.). *Всадники Великой степи: традиции и новации.* Астана: ФИА, 236—248.

Толстов С.П. 1947. Города гузов. С*оветская этнография* 3, 55—103.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта*. Москва: Восточная литература.

Толстов С.П., Итина М.А. 1966. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). *СА* 2, 155—170.

Трофимова Т.А. 1963. Приаральские саки (Краниологический очерк). В: ТолстовС.П. (ред.). *Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1958—1961 гг*. Т. I. *Общий отчёт. Памятники первобытного и античного времени* Москва: АН СССР, 221—247 (МХЭ. Вып. 6).

Трудновская С.А. 1952. Украшения позднесредневекового Хорезма по материалам из раскопок Топрак-кала. В: Толстов С.П., Жданко Т.А. (ред.). *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.* Москва: АН СССР, 119—134 (Труды ХАЭЭ I).

Трудновская С.А. 1963. Круглое погребальное сооружение на городище Ширик-Рабат. В: Толстов С.П. (ред.). *Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1958—1961 гг*. Т. I. *Общий отчёт. Памятники первобытного и античного времени.* Москва: АН СССР, 201—213 (МХЭ 6).

Трудновская С.А. 1979. Об одной редкой серии индийских бус в юго-восточном Приаралье. В: Виноградов А.В. и др. (ред.). *Этнография и археология Средней Азии*. Москва: Наука, 83—85.

Утубаев и др. 2023: Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б., Касенова А.Д. 2023. Бабиш-мола — столичный город эпохи античности в низовьях Сырдарьи: стратиграфия, периодизация, хронология. *Stratum plus* 3, 179—201.

Яблонский Л.Т. 1992. Коллективные погребения могильника Сакар-Чага 1. В: Вайнберг Б.И. (ред.). *Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма*. Москва: ИЭА РАН, 3—61.

Яблонский Л.Т. 1999. *Некрополи Древнего Хорезма. Археология и антропология могильников*. Москва: Восточная литература.

Яблонский Л.Т. 2017. *На востоке скифской Ойкумены*. Москва: Грифон.

Яблонский Л.Т., Аникеева О. 2023. Люди. Пути. Вещи. В: Никитина Л. (ред.). *Сокровища сарматских вождей. Древности середины I тыс. до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале*. Москва: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 43—57.

Francfort H-P. 1984. Le Sanctuare du Temple a Niches Indentées. *Fouilles d'Aï-Khanoum. MDAFA* XXVII.

Frankfort et al. 2014: Frankfort H-P., Grenet F., Lecuyot G., Lyonnet B., Martinez Sève L., Rapin C. ll y a 50 ans…. *La découverte d' Aï Khanum*. Paris: Diffusion de Boccard.

Rapin K. 1992. La trésorerie du palais hellénistique d′Aï Khanoum. Fouilles d′Aï Khanoum. *MDAFA*. XXXIII.

References

Avesta. 1993. *Avesta. Izbrannye gimny iz Vedevdata (Selected Hymns from Vedevdat)*. Moscow: KRAMDS-Ahmed Yasavi (in Russian).

Alimova et al. 2009: Alimova, D., Rtveladze, E.V., Abdurasulov, U. 2009. In: Klyashtornyj, S.G., Mustafaev, Sh.M. (eds.). *Doroga Strabona kak chast Velikogo Shelkovogo puti (Strabo's Road as Part of the Great Silk Road)*. Samarkand; Tashkent: IICAS, 9—13 (in Russian).

Andrianov, B.V. 1991. In: Andrianov, B.V. (ed.). *Aralskij krizis. Istoriko-geograficheskaya retrospektiva (The Aral Sea Crisis. A Historical and Geographical Retrospective).* Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 101—122 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2012 In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya ahemenidskoj kultury v Yuzhnom Priuralie (V—III vv. do n.e.) (The Influence of Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th — 3rd Centuries BCE)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 168—188 (in Russian).

Arzhantseva et al. 2018: Arzhantseva, I.A., Bolelov, S.B, Tazhekeev, A.A. 2018. *Istoriya issledovanij Khorezmskoj ekspeditsii na zemlyah Syra (The History of the Khorezm Expedition's Research in the Lands of Syr).* Part I. Moscow: OLEABUK (in Russian).

Balahvantsev, A.S. 2006. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossijskogo arheologicheskogo obshchestva* Novaya seriya *(Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society New Series)*. Vol. II (XXVII), 365—375 (in Russian).

Bernshtam, A.N. 1952. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Tsentralnogo Tyan-Shanya i Pamiro-Alaya (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and the Pamir-Alay.* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

Bolelov, S.B. 2005. In: Antonova, E.A., Mkrtychev, T.K. (eds.). *Tsentralnaya Aziya. Istochniki, istoriya, kultura (Central Asia. Sources, History, Culture).* Moscow: Vostochnaya literatura, 215—234 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2012. In: Treister, M.Yu. Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya ahemenidskoj kultury v Yuzhnom Priuralie (V—III vv. do n.e.) (The Influence of Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th — 3rd Centuries BCE))*. Vol. 1. Moscow: Taus, 208—219 (in Russian).

Bolelov, S.B. 2017. In: Iskanderova, A. (ed.). *Tsivilizatsii Velikogo Shelkovogo puti iz proshlogo v budushchee: perspektivy estestvennyh, obshchestvennyh i gumanitarnyh nauk (Civilizations of the Great Silk Road from the Past to the Future: Prospects for the Natural, Social, and Human Sciences)*. Samarkand: IICAS, 77—83 (in Russian).

Bolelov, S.B., Dvurechenskaya, N.D. 2004. In: Weinberg, B.I. (ed.). *Kalaly-gyr 2. Kultovyj tsentr v Drevnem Horezme IV—II vv. do n.e. (Kalaly-Gyr 2. A cult center in Ancient Khorezm, 4th — 2nd centuries BCE)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 265—274 (in Russian).

Bolelov, S.B., Utubayev, Zh.R. 2020. In *Kazahstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (7), 69—88 (in Russian).

Weinberg, B.I. 1977a. In *Karakumskie drevnosti (Karakum antiquities)* V, 25—45 (in Russian).

Weinberg, B.I. 1977b. *Monety Drevnego Khorezma (Coins of Ancient Khorezm).* Moscow: Nauka (in Russian).

Weinberg, B.I. 1979. In: Itina, M.A. (ed.). *Kochevniki na granitsah Horezma (Nomads on the Borders of Khorezm).* Vol. XI. Moscow: Nauka, 7—76 (in Russian).

Weinberg, B.I., Levina, L.M. 1993. *Shirikrabatskaya kultura. Nizovia Syrdarii v drevnosti (Shirikrabat culture. The lower reaches of the Syrdarya in ancient times)*. Iss. I. Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (in Russian).

Vishnevskaya, O.A. 1973. *Kultura sakskih plemyon nizoviev Syrdarii (VII—V vv. do n.e.) (The culture of the Sak tribes in the lower reaches of the Syrdarya (7th—5th centuries BCE)).* Moscow: Nauka (in Russian).

Vishnevskaya, O.A., Itina, M.A. 1971. In: Liberov, P.D., Gulyaev, V.I. (eds.). *Problemy skifskoj arheologii (Problems of Scythian archaeology).* Moscow: Nauka, 197—207 (in Russian).

Vorobieva, M.G. 1973. *Dingildzhe. Usadba I tys. do n.e. v drevnem Khorezme (Dingilje. A 1st millennium BCE estate in ancient Khorezm).* Moscow: Nauka (in Russian).

Gerodot. 1972. *Istoriya (History).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Ginzburg, V.V., Trofimova, T.A. 1973. *Paleoantropologiya Srednej Azii (Paleoanthropology of Central Asia).* Moscow: Nauka (in Russian).

Grantovskij, E.A. 1998. *Iran i irantsy do Akhemenidov (Iran and the Iranians before the Achaemenids).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Demezon, I.I., Vitkevich, I.V. 1983. *Zapiski o buharskom hanstve. Otchety I.I. Demezona i I.V. Vitkevicha (Notes on the Bukhara Khanate. Reports by I.I. Demezon and I.V. Vitkevich).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Ivanchik, A.I., Lur'e, P.B. 2013. In: Tohtas'ev, S.R., Lur'e, P.B. (eds.). *Commentationes Iranicae*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 286—294 (in Russian).

Itina, M.A. 1984. In: Melyukova, A.I. et al. (eds.). *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya (Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period).* Moscow: Nauka, 78—83 (in Russian).

Itina, M.A. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period.).* Moscow: Nauka, 31—46 (Archaeology of the USSR 12) (in Russian).

Itina, M.A., Yablonskiy, L.T. 1997. *Saki nizhnej Syrdarii (po materialam mogilnika Yuzhnyj Tagisken) (Saka of the Lower Syrdarya (based on the materials of the Southern Tagisken burial ground)).* Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Itina, M.A., Yablonskiy, L.T. 2001. *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdnij bronzovyj vek Nizhnej Syrdarii (Mausoleums of Northern Tagisken. Late Bronze Age of the Lower Syrdarya).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Kurmankulov et al. 2021: Kurmankulov, Zh.K., Bolelov, S.B., Utubayev, Zh.R. 2021. *Drevnie zemledeltsy nizoviev Syrdarii (Ancient Farmers of the Lower Syrdarya Region).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Kurmankulov, Zh.K., Utubayev, Zh.R. 2017. In: Beisenov, A.Z. (ed.). *Kazakhstan v sakskuyu epohu (Kazakhstan in the Saka era).* Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 191—210 (in Russian).

Levina, L.M. 1997. *Etnokulturnaya istoriya Vostochnogo Priaralia v I tys. do n.e. — I tys. n.e. (Ethnocultural History of the Eastern Aral Region in the 1st Millennium BCE — 1st Millennium CE).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Livshits, V.A. 2004. In: Weinberg, B.I. (ed.). *Kalaly-Gyr. Kultovyj tsentr v drevnem Khorezme IV—II vv. do n.e. (Kalaly-Gyr. A cult center in ancient Khorezm, 4th — 2nd centuries BCE).* Moscow: Vostochnaya literatura, 213—236 (in Russian).

Litvinskij, B.A. 1972. *Drevnie kochevniki "Kryshi mira" (Ancient Nomads of the "Roof of the World").* Moscow: Nauka (in Russian).

Litvinskij, B.A. 2004. In: Kyzlasov, I.L. (ed.). *Drevnosti Vostoka (The Antiquities of the East).* Moscow: RUSAKI, 23—37 (in Russian).

Litvinskij, B.A., Piyankov, I.V. 2004. In: Sedov, V.A. (ed.). *Istoriya Drevnego Vostoka. Ot rannih gosudarstvennyh obrazovanij do drevnih imperij (The History of the Ancient East. From Early States to Ancient Empires).* Moscow: Vostochnaya literatura, 698—814 (in Russian).

Manylov, Yu.P. 1990. In *Istoriya materialnoj kultury Uzbekistana (The history of the material culture of Uzbekistan)* 24, 33—38 (in Russian).

Manylov, Yu.P. 1992. In *Istoriya materialnoj kultury Uzbekistana (The history of the material culture of Uzbekistan)* 26, 59—65 (in Russian).

Mejendorf, E.K. 1975. *Puteshestvie iz Orenburga v Buharu (Journey from Orenburg to Bukhara).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

P'yankov, I.V. 2013. *Srednyaya Aziya i Evrazijskaya step' v drevnosti (Central Asia and the Eurasian Steppe in Antiquity).* Saint Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2012. *Velikij Indijskij Put'. Iz istorii vazhnejshih torgovyh dorog Evrazii (The Great Indian Route. From the History of Eurasia's Most Important Trade Routes).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Sazonova, M.V. 1978. *Traditsionnoe hozyajstvo uzbekov Yuzhnogo Khorezma (Traditional Economy of the Uzbeks of Southern Khorezm).* Leningrad: Nauka (in Russian).

Smirnov, K.F. 1964. *Savromaty. Rannyaya istoriya i kultura sarmatov (Sauromatians. The Early History and Culture of the Sarmatians).* Moscow: Nauka (in Russian).

Smirnov, K.F. 1975. *Sarmaty na Ileke (Sarmatians on the Ilek river).* Moscow: Nauka (in Russian).

Smirnov, K.F. 1989. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. (The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period.*). Moscow: Nauka, 165—176 (Archaeology of the USSR 12) (in Russian).

Strabon. 1964. Geografiya (Geography). Leningrad: Nauka (inRussian).

Suyundikova et al. 2025: Suyundikova, M.K., Kalieva, Zh.S. Antonov, M.A., Utubayev, Zh.R. 2025. In *Kazakstan arheologiyasy (Kazakhstan Archeology)* 2 (28), 317—337 (in Kazakh).

Tazhekeev, A.A., Kurmankulov, Zh.K. 2014. In: Ongar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoj stepi: traditsii i novatsii (Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations)*. Astana: Branch of the Margulan Institute of Archaeology in Astana, 236—248 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1947. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)* 3, 55—103 (in Russian).

Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (Along the ancient deltas of the Oxus and the Jaxartes).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Tolstov, S.P., Itina, M.A. 1966. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)* 2, 155—170 (in Russian).

Trofimova, T.A. 1963. In: Tolstov, S.P. (ed.). *Polevye issledovaniya Horezmskoj expeditsii 1958—1961 gg. (Field Research of the Khorezm Expedition of 1958—1961).* Vol. I. *Obshchij otchyot. Pamyatniki pervobytnogo i antichnogo vremeni (General Report. Monuments of Primitive and Ancient Times)*. Iss. 6. Moscow: USSR Academy of Sciences, 221—247 (in Russian).

Trudnovskaya, S.A. 1952. In: Tolstov, S.P., Zhdanko, T.A. (ed.). *Arheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoj expeditsii 1945—1948 gg. (Archaeological and ethnographic works of the Khorezm Expedition of 1945—1948).* Moscow: USSR Academy of Sciences, 119—134 (in Russian).

Trudnovskaya, S.A. 1963. In: Tolstov, S.P. (ed.). *Polevye issledovaniya Horezmskoj expeditsii 1958—1961 gg. (Field Research of the Khorezm Expedition of 1958—1961)*. Vol. I. *Obshchij otchyot. Pamyatniki pervobytnogo i antichnogo vremeni (General Report. Monuments of Primitive and Ancient Times).* Moscow: USSR Academy of Sciences, 201—213 (in Russian).

Trudnovskaya, S.A. 1979. In: Vinogradov, A.V. et al. (eds.). *Etnografiya i arheologiya Srednej Azii (Ethnography and Archaeology of Central Asia).* Moscow: Nauka, 83—85 (in Russian).

Utubayev et al. 2023: Utubayev, Zh.R., Bolelov, S.B., Kasenova, A.D. 2023. In *Stratum Plus* 3, 179—201 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 1992. In: Weinberg, B.I. (ed.). *Skotovody i zemledeltsy Levoberezhnogo Horezma (Pastoralists and Farmers of Left-Bank Khorezm).* Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, 3—61 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 1999. *Nekropoli Drevnego Horezma. Arheologiya i antropologiya mogilnikov (Necropolises of Ancient Khorezm. Archaeology and Anthropology of Burial Grounds).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2017. *Na vostoke skifskoj Ojkumeny (In the East of the Scythian Oikoumene).* Moscow: Grifon (in Russian).

Yablonskiy, L.T., Anikeeva, O. 2023. In: Nikitina, L. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskih vozhdej. Drevnosti serediny I tys. do n.e. iz Filippovskih kurganov na Yuzhnom Urale (Treasures of the Sarmatian Chieftains. Antiquities of the Mid-1st Millennium BCE from the Filippovskie Kurgans in the Southern Urals).* Moscow: The Pushkin State Museum of Fine Arts, 43—57 (in Russian).

Francfort, H-P. 1984. Le Sanctuare du Temple a Niches Indentées. *Fouilles d'Aï-Khanoum. MDAFA* XXVII.

Frankfort et al. 2014: Frankfort, H-P., Grenet, F., Lecuyot, G., Lyonnet, B., Martinez Sève, L., Rapin, C. ll y a 50 ans…. *La découverte d' Aï Khanum*. Paris: Diffusion de Boccard.

Rapin, K. 1992. La trésorerie du palais hellénistique d′Aï Khanoum. Fouilles d′Aï Khanoum. *MDAFA.* XXXIII.

Рис. 1. Керамические фляги: *a, c* — керамическая фляга с хорезмийской надписью. Городище Ширик-рабат, объект 1; *b* — поселение Бабиш-мола 7, горн № 7.

Fig. 1. Ceramic flasks: *a, c* — ceramic flask with a Khorezmian inscription. Shirik-rabat urban site, object 1; *b* — Babish-mola 7 settlement, furnace No. 7.

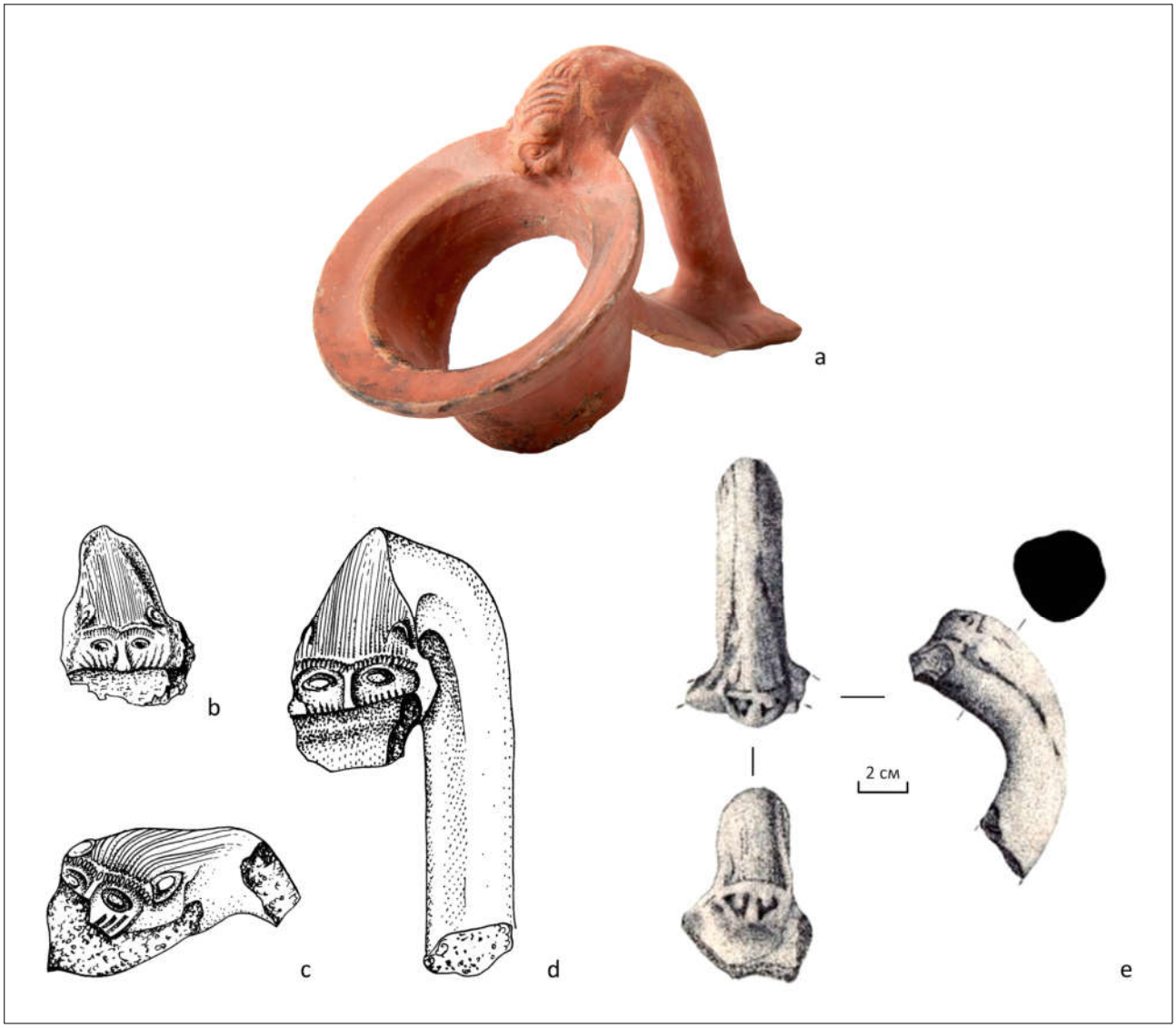

Рис. 2. «Львиноголовые» ручки кувшинов: *a* — Древний Хорезм. Кой-крылган-кала; *b—d* — Древний Хорезм. Поселение Хумбузтепа; *e* — Низовья Сырдарьи. Городище Ширик-рабат. Храм.

Fig. 2. “Lion-headed” jug handles: *a* — Ancient Khorezm. Koy-Krylgan-Kala; *b—d* — Ancient Khorezm. Settlement of Khumbuztepa. *e* — Lower Syr Darya. Shirik-rabat urban site. Temple.

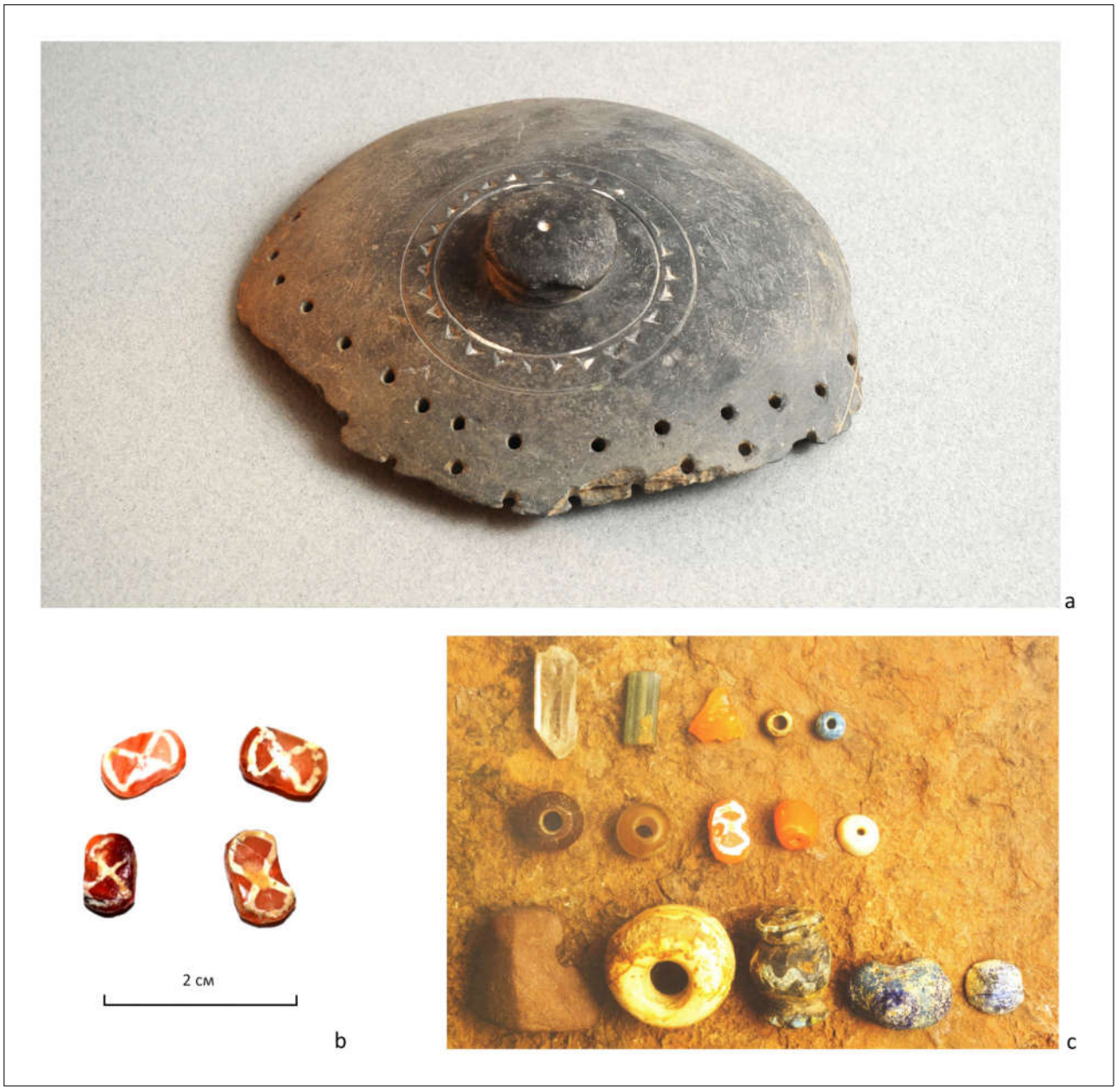

Рис. 3. Предметы импорта в памятниках низовьях Сырдарьи: *a* — каменная крышка сосуда с инкрустацией из алеврита. Поселение Баланды; *b* — бусы. Сердолик. Городище Кюзели-Гыр (Хорезм); *c* — бусы. Лазурит, сердолик. Городище Ширик-рабат, Баланды.

Fig. 3. Imported items from the sites of the Lower Syr Darya: *a* — stone vessel lid with aleurolite inlay. Balandy settlement; *b* — beads. Carnelian. Kyuzeli-Gyr urban cite (Khorezm); *c* — beads. Lazurite, carnelian. Shirik-rabat settlement, Balandy.